

Оригинальная статья
УДК 316.614
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-3-56-69>

Традиционные ценности в аналитических перспективах социологии

Александра Вениаминовна Щербина

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
ashcherbina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0699-1410>*

Введение. Актуальность социологического анализа традиционных ценностей определяется необходимостью регулирования нарастающих противоречий между ними и правами человека на национальном и международном уровнях. Научная новизна состоит в том, что в статье выделены аналитические перспективы, раскрывающие связь преемственности и преобразования в деятельности общественного субъекта, и обозначены отправные точки для использования потенциала социологического понимания традиционных ценностей в социокультурном проектировании.

Методология и источники. Эмпирическую базу анализа составили официальные документы органов власти Российской Федерации, материалы Совета по правам человека ООН, экспертные оценки, результаты опросов ВЦИОМ, материалы дискуссий в российских медиа. Используется методология системного подхода, социокультурного анализа, социального конструктивизма, типологическое понятие культурно-исторической традиции.

Результаты и обсуждение. В логике социокультурного анализа традиционные ценности – компоненты коллективной организации традиционного типа и отличный от идеологической индоктринации способ их передачи в двусоставном опыте. Социологическая рефлексия позволяет отличать их от ценностей «традиционного общества» как пройденной стадии социальной эволюции. Системная парадигма в социологии концептуализирует нередуцируемую сложность ценностей: они являются культурными объектами, интернализированы личностью, институционализированы в социальной системе. Общественный субъект посредством ценностного отношения к наследию рефлексивно и конструктивно учреждает культурно-исторические традиции по мере реализации в меняющихся условиях отобранных образцов своего развития. Фундаментальные права человека обеспечиваются доступом к ресурсам своей культуры. Защита прав человека включает укрепление традиционных институтов и культурного многообразия как условия гармонии межцивилизационных и внутриобщественных ценностей. Манифестация приверженности традиционным ценностям в условиях кризиса глобализации обусловлена стремлением вскрыть патологический характер и пресечь посредством правовых, военно-политических и идеологических инструментов технически достижимые способы переделки человека, которые перестали подвергаться уголовному преследованию и безоговорочному нравственному осуждению.

Заключение. Актуализация в общественно-политическом дискурсе смыслодержущих образцов культурно-исторических традиций указывает направления для социокультурного проектирования и выполняет идеологические мобилизационные задачи.

© Щербина А. В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: традиционные ценности, традиция и современность, права человека, культурно-историческая традиция, социальная система, рационализация, межкультурный диалог

Для цитирования: Щербина А. В. Традиционные ценности в аналитических перспективах социологии // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 3. С. 56–69. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-56-69.

Original paper

Traditional Values in Analytical Perspectives of Sociology

Alexandra V. Shcherbina

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
ashcherbina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0699-1410>*

Introduction. The relevance of the sociological analysis of traditional values is determined by the need to regulate the growing contradictions between them and human rights at the national and international levels. The scientific novelty consists in the fact that the article highlights analytical perspectives that reveal the relationship of continuity and transformation in the activities of a public subject, and identifies starting points for using the potential of a sociological understanding of traditional values in socio-cultural design.

Methodology and sources. The empirical base of the analysis was made up of official documents of the Russian Federation, materials of the UN Human Rights Council, expert assessments, the results of surveys of the All-Russian Center for the Study of Public Opinion, materials of discussions in the Russian media. The methodology of the system approach, sociocultural analysis, social constructivism, the typological concept of cultural and historical tradition is used.

Results and discussion. In the logic of socio-cultural analysis, traditional values are components of a traditional type of collective organization and a way of transmitting them in a two-part experience that is different from ideological indoctrination. Sociological reflection makes it possible to distinguish them from the values of “traditional society” as a passed stage of social evolution. The system paradigm in sociology conceptualizes the irreducible complexity of values: they are cultural objects, internalized by the individual, institutionalized in the social system. A social subject, through a value-based attitude to heritage, reflexively and constructively establishes cultural and historical traditions as the selected samples of its development are implemented in changing conditions. Fundamental human rights are ensured by access to the resources of their culture. The protection of human rights includes the strengthening of traditional institutions and cultural diversity as conditions for the harmony of intercivilizational and intra-social values. The manifestation of adherence to traditional values in the context of the crisis of globalization is due to the desire to reveal the pathological nature and to stop, through legal, military-political and ideological tools, technically achievable ways of remaking a person who have ceased to be subjected to criminal prosecution and unconditional moral condemnation.

Conclusion. Actualization of meaningful samples of cultural and historical traditions in the socio-political discourse indicates directions for socio-cultural design and performs ideological mobilization tasks.

Keywords: traditional values, tradition and modernity, human rights, cultural and historical tradition, social system, rationalization, intercultural dialogue

For citation: Shcherbina, A.V. (2022), “Traditional Values in Analytical Perspectives of Sociology”, *DISCOURSE*, vol. 8, no. 3, pp. 56–69. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-56-69 (Russia).

Введение. Актуальность социологического анализа традиционных ценностей определяется необходимостью регулирования нарастающих противоречий между ними и правами человека на национальном и международном уровнях. Дискурс традиционных ценностей в России (при всем его своеобразии и чувствительности к актуально переживаемым вызовам) не уникален, он соответствует международной повестке и рассматривается в контексте разворачивающихся на международном уровне дискуссий и инициатив Совета по правам человека ООН.

Привычный для Запада дискурс ценностей как примета новейшего времени, активно развиваемый с 50-х гг. XX в. в США, распространился и у нас. В 1090-е гг. в нашей стране обсуждалась возможность приобщиться к общечеловеческим ценностям, перестроить в соответствии с ними нормативно-правовую систему, социальные институты, общественное сознание. К концу первого десятилетия XXI в. ситуация изменилась. Российские традиционные ценности заняли прочное место в дискуссиях, продемонстрировавших значительные расхождения в общественных и экспертных оценках этого феномена [1–3]. В них использовались концепты разного уровня обобщения и метафоры: национальный код, набор базовых ценностей высшего уровня, этический кодекс, основания цивилизационной идентичности, сущностные признаки цивилизации, устойчивый тип человека и общества, модели поведения в критических трансформирующих событиях, актуальные аксиологические единицы в культурном наследии. Утверждалось, что выявление, нормативно-правовое определение и классификация традиционных ценностей нужны для создания прочного фундамента государственной политики в сфере культуры, здравоохранения, образования, для модернизации законодательства и формулирования критериев предоставления государственной поддержки субъектам ценностно-ориентированной политики. Наконец, – для их защиты, включая вынесение правовых запретов на то, что им угрожает. Отмечалось, что традиционные ценности имеют не только охранительный смысл, их нужно распространять и продвигать в позитивных образах в публичных информационных полях.

Данные опросов общественного мнения свидетельствуют о приверженности граждан Российской Федерации традиционным ценностям [4], но выбор их формулировок респондентами зависит от актуальных настроений [5].

Органы государственной власти в России стали активно использовать концепты российских традиционных ценностей, духовно-нравственных традиционных ценностей, традиционных ценностей российской цивилизации в программных документах: «Основы государственной культурной политики» (2014); «Стратегия национальной безопасности России» (2015); «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» (2015); «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года» (2016); «Стратегия развития информационного общества» (2017).

Публикация проекта Указа об утверждении «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [6] придала новый импульс дискуссиям о традиции и творчестве, каноне и самовыражении, допустимости цензуры [7]. 24 февраля 2022 г. российские традиционные ценности и извлекаемые из них актуальные смыслы стали практической проблемой...

«Традиционные ценности вряд ли могут быть полностью эксплицированы из ценностно-смыслового поля культуры, упорядочены и классифицированы. Опыт подобных экспликаций свидетельствует о том, что каждая такая экспликация производится *ad hoc*; ее конкретная конфигурация зависит от конкретики ситуации, в которой она возникает» [8, с. 2]. Разделяя в целом это суждение, обратимся к интерпретации традиционных ценностей в социогуманитарных науках. Попытаемся выделить аналитические перспективы социологии, в которых раскрывается связь преемственности и преобразования в деятельности общественного субъекта, манифестирующего свою приверженность традиционным ценностям, и наметить отправные точки для социокультурного проектирования.

Методология и источники. Эмпирическую базу исследования составили официальные документы, использующие концепт «традиционные ценности», материалы Совета по правам человека ООН, экспертные оценки, результаты опросов ВЦИОМ, материалы дискуссий в российских медиа за последние десять лет. Используется методология системного подхода, социокультурного анализа, социального конструктивизма, типологическое понятие культурно-исторической традиции.

Интерпретация ценностей всегда вызывала трудности. Нравственные нормы и ценности стали предметом осмысления уже в глубокой древности. Представления о высших ценностях пронизывали размышления о мироздании в цивилизациях Древнего мира (*Благо* у Платона, *Дхарма* в древнеиндийской религиозной философии). В античную эпоху нравственные (моральные) ценности были выделены в самостоятельную область – этику. Доминировало убеждение, что они неизменны, предпосланы человеку, внеположены миру. Предметом анализа и критики были несовершенные и вариативные представления людей, мера их соответствия предустановленным трансцендентным образцам.

Ценности как своего рода знания (идеи, формы, универсалии, категории, концепты, устойчивые мысленные связи и т. д.) и их символические выражения (характерный пример – распространенные в Средние века визуальные выражения ценностей – «верности», «чести», «достоинства») – особого рода идеальные объекты. Многовековая дискуссия об идеях (три «вечных вопроса» Порфирия, к которым Абельяр добавил вопрос об «имени розы») имеет прямое отношение и к ценностям. Согласно современным воззрениям, ценности возникают эволюционно, при этом признается, что лингвистический уровень их развития уникален и специфичен для человека.

Концептуализация традиционных ценностей в социологии неоднозначна. Обратимся к объясняющему и эвристическому потенциалу социологических подходов, которые, на наш взгляд, целесообразно использовать в современных дискуссиях.

Результаты и обсуждение. В социокультурном анализе, начало которому положено Э. Дюркгеймом, традиционные ценности выступают, наряду с *нормами* и *ролями*, как *компонент* коллективной *организации* традиционного типа, связанной *механической*, основанной на сходстве индивидов, солидарностью. Это ценности, разделяемые и одобряемые коллективным сознанием традиционного социального образования. Высшая из них воплощена в самом коллективе, который господствует над интересами отдельного человека и требует от него беспрекословного подчинения. Ценностные предписания религиозно обоснованы, детально растолкованы, смыслы извлечены и символически выражены. Коллективное

сознание социальных образований, связанных *органической* солидарностью, основанной на индивидуальных различиях, содержит генерализованные ценности; они абстрактны, апеллируют к индивидуальному достоинству и равенству возможностей. Современные ценности (здесь и далее подразумеваются ценности модерна) – то, что сопровождает присвоение личного богатства и отстаивание личных целей. Они коммуникативны – открыты для обсуждения. Традиционные ценности противопоставлены современным, модерн – традиции. Заметим, и традиционные, и современные ценности принудительны по отношению к индивиду, хотя механизмы принуждения различны. В современном глобальном мире они конкурируют, вызывают аномии, нравственные дилеммы.

Традиционные ценности концептуализированы как элемент опредмеченных в традиционных социальных институтах общественных отношений, профилирующей личность. К ним новые поколения приобщаются в семье, школе, церкви. Они не отрефлексированы, а скорее подразумеваются, отличны от сознательно заимствованных (индивидуальное или коллективное обращение), конструируемых и изобретаемых представлений. Их жизненность обеспечена сплавом смыслов: возвышенного и низкого, экстраординарного и повседневного. Когда мы называем ценности традиционными, то подразумеваем не некий набор, а определенный *способ их передачи*, отличный от индоктринации, моды. Это «прямая передача» (родители-дети, учитель-ученик), непосредственные отношения старших и младших (несводимые к вербальным, например, так называемые *телесные практики* М. Мосса), в которых происходит приобщение к ценностям предшествующего поколения.

Ориентации, интегрированные в структуру личностной мотивации и направляющие ее вне зависимости от того, насколько они осознаются, отличаются от представлений об одобренных и провозглашенных в обществе ценностях, которые выступают результатом познания и ориентиром для сознательного контроля. Г. Кнабе, обсуждая характер современных идентификационных процессов, затрагивает область, где это различие выступает в наиболее сложной, тонкой и трудно наблюдаемой форме – *пережитый опыт*. Г. Кнабе анализирует его неоднородность и принципиальную *двусоставность*. «В нем различимы некоторая основа, отложившаяся в душе каждого как исходное слагаемое его органического бытия, и некоторый приобретаемый в ходе жизни непрерывно усложняющийся материал самосознания. Первая мало рефлексирована, сказывается во вкусах, привычках, склонностях, в подчас безотчетных жизненных ориентирах и образует личность как таковую, в ее естественной данности. Второй формируется общественным опытом в ходе жизненного общения, обогащается <...> впечатлениями, которые становятся содержанием рефлексированного сознания, выражаются в слове и поведении человека» [9, с. 1117]. Разумеется, разделение опыта на органический и идеологический не может быть определено однозначно, идет ли речь об отдельном человеке или об исторической индивидуальности. Начиная с В. Белинского, подчеркнувшего отличие подвижных ценностных представлений от того «остатка», который глубже и прочнее, – от убеждений, русская мысль (литература, философия, публицистика) непрестанно обращается к анализу двусоставности опыта. Г. Кнабе справедливо замечает, что «по мере усложнения общественных структур, с ростом демократии и связанной с ней необходимостью убеждать граждан в справедливости тех или иных решений, принимаемых руководством, с появлением групп идентификации, возникших не по органическим

связям, а по идеологическим мотивам, роль идеологического компонента непрерывно возрастает вплоть до появления идентификационных практик, лишенных органической базы и целиком “почерпнутых у добрых знакомых”» [9, с. 1118].

Несовпадение и сложное взаимодействие декларируемой значимости тех или иных ценностных идей и реальной побудительной силы до- и неререфлексивно разделяемых ценностей – предмет исследований в социальной психологии. Методы этнолингвистики позволяют обнаружить, что «у “нетрадиционных” ценностей нередко есть “традиционное” соответствие» [10, с. 295].

Рассмотренные в социально-эволюционной перспективе, *традиция* и *современность* выступают как идеологически заряженные образы старого и нового. Палитра политических идеологий консервативного и прогрессистского (утопического) толка наглядно демонстрирует две крайние установки: превосходство старого над новым и – нового над старым. С начала Нового времени последняя установка стала господствующей, а к концу XVII в. убеждение о преодолении прошлого современностью уже превращается в распространенное социальное представление (И. Кант: мы живем в век просвещения). Решительное отрицание предшествующего исторического опыта, утопические призывы начать все сначала, отказ от традиции как тяготеющего над новыми поколениями проклятья столкнулись с традиционалистским утверждением превосходства и ценности прошлого.

Взаимная критика, новые точки зрения, привнесенные вследствие распространения идей романтизма, существенно усложнили картину этого конфликта. Обнаружение теневой стороны прогресса, с одной стороны, и живучести, изменчивости и плодотворности традиции – с другой, формировали избирательное отношение к традиции, отношение к прошлому не как к эталону, а как к ресурсу и пространству возможностей: обновление может осмысляться и как избирательное возвращение к истокам. Философская (понятия культуры, гуманности, законов природы, автономии, духа), культурологическая и социологическая рефлексия привнесла в этот спор множество новых концептуальных идей.

Наряду с эволюционистскими схемами последовательного движения от традиционных обществ к современным (включая и те, в которых однозначная оценка этого движения в качестве прогресса была поставлена под сомнение) заявила о себе точка зрения множественности культур, цивилизаций, культурно-исторических типов. Идея социальной эволюции и в данном случае была значима, только акцент переносился с поступательности на борьбу и конкуренцию. Расово-антропологические, антропосоциальные, этнологические концепции, культурно-исторические подходы привнесли в дискурс «*традиция и современность*» понятия культурных кругов, народного духа, психологии народа и т. п.

В русской социогуманитарной мысли эта тенденция проявилась очень заметно. И это не только славянофилы, но, например, лингвист А. Потебня, историки В. Ключевский и В. Соловьев, писатели Н. Чернышевский, И. Тургенев, В. Белинский и мн. др. Идейно-политические движения второй половины XIX в. (пангерманизм, панславизм, пантюркизм и т. п., национализм во всех версиях как идеология самоидентификации и объединения наций) добавили новые схемы интерпретации. Традиционное – не только и не столько прошлое в противоположность современному, сколько исторически-индивидуальное, самобытное в противоположность всечеловеческому (Н. Данилевский, К. Леонтьев).

Современное, в свою очередь, тоже исторически-индивидуально, подвержено кризису и упадку. *Кризис современности, иллюзия прогресса, мировой кризис*, – характерные темы размышлений столетней давности. Одновременно в общественно-политическом дискурсе заявляют о себе *новая эпоха всемирной истории, новая историческая общность, новый курс, третий гуманизм* – все эти идеи, вплоть до *конца истории*, позволяют переосмыслять и традицию, и современность, и старое, и новое (новейшее), питают и оптимизм, и разочарование. Традиция и современность, кажется, перестали однозначно восприниматься и оцениваться как имеющие сами по себе положительное и отрицательное значения. В концепции множественных модернов Ш. Эйзенштадта традиция не только дает обществу ресурсы для модернизации, но во многом определяет и выработку, и осуществление модернизационных проектов.

Социокультурное моделирование и проектирование позволяют себе обращаться к сколь угодно отдаленным эпохам и своей, и всемирной истории (например, к ценностям классической Греции или к любым другим – языческим, раннехристианским, средневековым и т. п.). Традиционные ценности, с одной стороны, освободились от тенденциозных оценок, поскольку перестали рассматриваться в рамках однозначно прогрессистских или консервативных идеологий и оцениваться как отсталые или передовые. Вместе с тем произошло их отслоение от «традиционного общества» как оставленной в прошлом, пройденной стадии социальной эволюции. Понятия *традиции* и *модерна* (религиозности и светскости, коллектива и автономного индивида, групповых и индивидуальных интересов, некритического принятия и рациональной рефлексии) в качестве типологических получили методологическое эвристическое значение. Схема интерпретации «*традиция* и *современность*» при постановке исследовательских задач в разных обликах вновь и вновь воспроизводится: она узнаваема в моделях интегральных культурных сверхсистем П. Сорокина, в типологии культурных измерений Г. Хофстеде и мн. др.

Лингвистический, коммуникативный, культуральный «повороты» в социальном познании открыли новые аналитические перспективы, но их практические приложения, основанное на них социокультурное проектирование демонстрируют волюнтаризм. На наш взгляд, избегать крайностей в осмыслении такого комплексного явления, как традиционные ценности, позволяет системный подход.

Т. Парсонс интерпретирует ценности как разновидность *образцов действия* (действия определяются как осмысленные намерения и их реализация в конкретной ситуации) и его *смыслосодержащих продуктов*. Ценности не создаются одним или несколькими людьми. Индивид может внести в них разве что побочное творческое (разрушительное или созидательное) изменение. Они связаны с познавательными элементами действия, индивид им *научается*. Ценности – не только интернализированные, разделяемые на индивидуальном уровне ориентации, но и символически организованные культурные объекты. Культура представляет собой упорядоченный и взаимосвязанный набор ценностных и когнитивных образцов – *символических универсумов* (П. Бергер, Т. Лукман).

В логике системного подхода культурная, социальная системы и система личности обладают относительной самостоятельностью, и между ними осуществляются процессы обмена. Система культуры предоставляет личности ценности и когнитивные образцы, обес-

печивая ее социализацию и *культурализацию* (К. Клакхон). Социальная система усваивает и перерабатывает культурные ценности в процессах институционализации, превращая их в принудительные нормы поведения, благодаря которым взаимодействие структурируется и легитимируется, при том что связанные с ценностями институциональные императивы могут трактоваться амбивалентно (характерный пример – анализ Р. Мертоном института науки). Культурная система принимает сигналы от социальной системы и системы личности: это социальные интересы (потребности), культурные действия личности, складывающиеся нормы. Они ассимилируются культурой, в результате чего синтезируются культурные объекты – коллективные представления, установки, образцы поведения, ценности, и, если продолжить биологическую аналогию, высвобождается энергия для целеполагания и деятельности общественного субъекта.

Нередуцируемая сложность ценностей состоит в том, что ценности частично интернализированы личностью, частично институционализированы в социальной системе, частично пребывают как культурные (символические) объекты. Они одновременно обладают и объективной фактичностью, и субъективным значением, точнее, будучи предпосылкой и результатом социального взаимодействия, – интерсубъективным значением, выраженным в знаках и знаковых системах и вырастающих на этой основе символических универсумах (мораль, религия, искусство, наука, идеология и т. п.). Ценности объективны, общезначимы, легитимны, коммуникативны. «В контексте культурной легитимизации, таким образом, общество является самодостаточным в той мере, в какой его институты легитимизированы ценностями, которые разделяются его членами с относительным согласием и которые, в свою очередь, легитимизированы благодаря соответствию членов общества другим компонентам культурной системы, в особенности, ее конститутивному символизму» [11, с. 22].

Главные образцы культурных систем выражают смыслы человеческого существования – добра, страдания, смерти – и утверждают нормативность человеческой природы. Они изменяются **только** на протяжении жизни многих поколений, их **всегда** придерживаются относительно большие группы людей. Эти смыслодержающие образования в конечном счете легитимируют социальную систему и ее институциональную структуру, придавая им нормативный характер и обеспечивая их когнитивную значимость, что не устраняет проблему интегрированности социальной системы – «проблему порядка». Отметим, что ценности в данной интерпретации могут быть **только традиционными**.

В социальных представлениях о традиционных ценностях всегда присутствует мотив принятия или отвержения исторического прошлого, *своих* и *чужих* традиций. Очень ярко это проявляется в так называемом пробуждении национального сознания. Нация – продукт Нового времени, Великой французской революции, наполеоновских войн, промышленного капитализма, крушения колониального порядка. Как в свое время блестяще показал А. де Токвиль, рост национального самосознания, желание легитимизировать национальные проекты, приводит к подчеркиванию укорененности национального в историческом прошлом [12]. При всех конфликтах, неудачах и срывах, которыми сопровождаются попытки современных наций-государств утвердить канон традиции, признаваемой в качестве общенациональной, очевидно, что представление о национальной общности имеет аксиологическое наполнение. Элиты, интеллектуалы, историки, философы, идеологи национального сознания,

осуществляя отбор образов будущего в наследии (факты, зависимости, условия деятельности, границы возможного, прошедшие проверку временем образцы, авторитеты), лишают современность монополии на рациональность и вместе с тем десакрализируют традицию. Традицию теперь рассматривают с позиций секулярно-рациональных, демонстрируя сознательную установку на нее, готовность ее продолжить или порвать с ней. Сознательно выбранная, обоснованная традиция (аргумент устойчивости и стабильности) перестает быть традицией в том смысле, в котором она изначально противопоставлялась современности. Это культурно-историческая традиция. Точнее, многообразие таковых.

Для адекватной оценки дискурса традиционных ценностей в России обратимся к контексту – продолжающейся международной дискуссии о правах человека. *Права человека* – традиционные ценности в том смысле, что они принадлежат к западной, по генезису – греко-христианской традиции, имеют религиозно-догматическое вероисповедальное обоснование, представлены в многовековом морально-этическом дискурсе, обеспечившем полноту их социальных представлений и нормативно-правовое закрепление. Западная аксиологическая традиция в современном мире имеет привилегированный статус основы для интерпретации прав человека в межкультурном диалоге.

Советом по правам человека ООН предлагается следующая формулировка вопроса для международного обсуждения: каким образом традиционные ценности, лежащие в основе международных прав человека, способствуют поощрению и защите прав человека в целом [13]. Межкультурное взаимодействие, опыт восприятия других образов жизни проблематизирует понимание прав и сущности человека. Представители незападных цивилизаций полагают, что ценности их культурно-исторических традиций могут успешно конкурировать с правами человека.

Остановимся на некоторых характерных примерах. Тукуй Шими и Моника Чуй (Эквадор) отмечают, что человеческое достоинство определяется принципом «жизнь в гармонии» – «сумак кавсай», который был включен в новые конституции Эквадора и Боливии вместе с международными договорными стандартами в области прав человека. Концепция «сумак кавсай», уходящая своими корнями в мировоззрение андских коренных народов, основывается на опыте достижения благосостояния человеком в его взаимоотношениях с окружающими людьми и природой, в нахождении межобщинного и внутриобщинного баланса, в природосообразном производстве и потреблении. Сферы экономики, права, образования и морали должны быть пронизаны этим культурным кодом.

Представляя индийскую культурную традицию, Дж. Прабху замечает, что универсальность прав человека может восприниматься самыми различными способами (и без употребления этих слов). В каждой самобытной культуре есть то, что способно внести вклад в развитие глобальной культуры прав человека. Махатма Ганди, отвечая на вопросы исследования, инициированного ЮНЕСКО в связи с разработкой Всеобщей декларации прав человека, настаивал на нередуцируемой многообразии «культур прав человека», ссылаясь на классическую индийскую моральную концепцию Дхармы. Она не начинается с человека: человеческая сущность воплощается не только в личности, но и в социальной общности, которая является выражением космоса, нерушимость которого призвана защитить Дхарма. С этой точки зрения многие из посылок, лежащие в основе западного правозащитного

дискурса, можно опровергнуть. В традиции Дхармы недопустимо применять права только к индивидам, игнорируя природу и общество. Нужно отказаться от навязывания всему миру какого-либо единственного этноцентрического стандарта. Только при этом условии права человека могут претендовать на статус универсального нравственного языка человечества.

Задача международного сообщества – не преодолеть культурные различия, поставив какую-либо одну культурно-историческую традицию выше других, но вести межкультурный диалог, в котором различные идеи могут корректировать и усиливать друг друга. Правозащитный дискурс должен выйти за пределы прозападных формулировок и учитывать мнения самых разнообразных субъектов, включая организации гражданского общества. Защита культурного многообразия – условие гармонии межцивилизационных и внутриобщественных ценностей.

Содержательное обоснование межкультурного взаимодействия и его перспектив предполагает выявление цивилизационных ценностей и убеждений как в отстоявшихся общекультурных традициях, закрепленных в правовых институтах, так и на иных уровнях иерархии социального субъекта: личность, семья, община, статусная группа, государство, гражданское общество. Соответственно, и гарантии прав человека должны быть разноуровневыми. Формально-правовые механизмы защиты прав человека не всегда действенны. Традиционные ценности и убеждения укоренены глубже, чем закон, а потому права человека могут вырасти только внутри самобытных культурных традиций. Тогда права человека будут защищены не только из-за страха уголовного преследования, но и на уровне убеждений. Достоинство («самостояние» – А. С. Пушкин), имманентно присущее человеку как правообладателю и правоприменителю, – и индивидуальное, и общественное достояние, требующее юридических гарантий. Фундаментальное право человека – это возможность его развития за счет гарантий доступа к ресурсам своей культурной традиции. Самобытность – не особые возможности, а особые способы осуществления всеобщих возможностей.

Как отличить органический, естественно-исторический, эволюционный опыт народа от искусственного, навязанного? Можно ли говорить об упомянутой выше двусоставности опыта применительно к историческим индивидуальностям? Решительный разрыв с эволюционно-исторической предпосылкой и искоренение традиций («пережитков») – характерная особенность исторического пути России. Раздвоение образа жизни на органический и сконструированный, их неравномерное распределение в обществе («интеллигенция и народ») – предмет постоянных размышлений и реконструкций в России.

Представление о народе, носителе традиционных ценностей, и интеллигенции (образованных классах), приверженной ценностям заимствованным (насколько последние спасительны или губительны – зависит в свою очередь от аксиологических взглядов судящего), распространено и сегодня, когда интеллигенция в старом смысле слова исчезла, и узнаваемо в рассуждениях о «пятой колонне». «Но нельзя говорить об “интеллигенции” как о феномене нашей “культуры” и не спросить себя, какой природный материал подвергается в ней искусственной обработке, какая в ней перепахивается и засеивается почва; нельзя рассматривать и народ как преимущественное выражение стихийного начала нашей жизни» [14, с. 230]. Есть что-то, что позволяет соединять разорванное, – глубинная, подпочвенная традиция (Г. Федотов). Заимствованное, искусственное, однажды выбранное (выбор веры,

о котором повествует летопись) укореняется и начинает произрастать, «оестествляется» в передаче от поколения к поколению. Так было с наследием империи Чингисхана, с византийским и западноевропейским наследием, вошедшими в культурно-исторические традиции России.

Традиционные ценности, запечатленные в «текстах» культурно-исторических традиций (государственного строительства, религиозной, философской, педагогической, литературной и т. п.), доступны нашему изучению, осмыслению, сопереживанию. Эти символические образцы, зафиксированные в качестве нормативных в наследии (заповеди, идеалы, предписания, идеи как присущие историческим лицам мысленные связи) образуют и архив, и ресурсы, и смыслы, учреждаемые нами в наших устремлениях в будущее. Ценности (элементы осмысленных человеческих действий) допускают эмпирическую констатацию, рациональный анализ, но их значимость обосновывается не эмпирическим материалом или логическими аргументами. Мы отождествляемся с ними или не приемлем их. Отношение во многом зависит от ожиданий, от взгляда в завтрашний день. Преемственность и преобразование неразрывно связаны. Общественный субъект посредством ценностного отношения к наследию рефлексивно и конструктивно учреждает культурно-исторические традиции по мере реализации в меняющихся условиях отобранных в наследии образцов своего развития.

Интеллектуализация и рационализация традиции, возвращение к скрытым в ней возможностям, обнаружение актуальной функции взятых из прошлого образцов организации жизни осуществляется в социокультурном проектировании и выполняет идеологические мобилизационные задачи. Сегодня, в эпоху идеологий и мировоззрений, все (государства, корпорации, индивиды) говорят на языке ценностей, хотят опираться на их действительную силу. Это не исключает инфляции ценностей и игрового (в духе постмодерна) отношения к традиции.

Российские традиционные ценности нужно защищать не от ценностей модерна, не от западных ценностей, которые давно уже интегрированы в наши культурно-исторические традиции, и не от прав человека как исторически сложившейся консенсусной платформы для межкультурного диалога, а от ультраглобалистских идеологий, которые отказываются от исторического мира и устремлены в будущее, не возникающее эволюционно вместе с человеком, а постулируемое. Ценности используются для мировоззренческой легитимизации и продвижения экспериментальных социально-антропологических образцов (личность, собственность, пол, этничность, семья, занятость, демография, потребление). Идеалы, во имя которых ведется идеологическая борьба нового типа, не определены. Манифестация приверженности традиционным ценностям – попытка выделить, описать, вскрыть патологический характер и пресечь посредством правовых, военно-политических и идеологических инструментов те способы переделки человека, которые стали технически достижимыми, но перестали подвергаться уголовному преследованию и безоговорочному нравственному осуждению.

Заглядывая в будущее, общественный субъект осуществляет деконструкцию традиции. Преобразование не устраняет подверженности традиции, но есть ее экзистенциальная модификация, способ существования в традиции. Наше осмысление традиционных ценностей

всегда решает двуединую задачу: демонтаж традиционных понятий и категорий и возобновление традиции. У нас есть свобода выбора, но мы не можем не выбирать.

Заключение. Актуализация в общественно-политическом дискурсе смылосодержащих образцов культурно-исторических традиций указывает направления и ограничения для социокультурного проектирования и выполняет идеологические мобилизационные задачи. Обращение к традиции – способ преодолеть время, вернуться к источнику, утвердить непреходящую ценность привилегированных мотиваций (нет высшего, чем отдать жизнь за други своя) и их воплощений (святые, герои, святые герои). Традиции – посредники между временем и вечностью.

Стремление использовать традиционные (вечные) ценности нормативно, минуя «конститутивный символизм», выглядит неуклюже и напоминает печально знаменитую триаду «православие, самодержавие, народность» или «моральный кодекс строителя коммунизма». Например, в статье 78 Стратегии национальной безопасности называется такая традиционная ценность: приоритет духовного над материальным. На наш взгляд, неудачная формулировка, эмоционального отклика не вызывает, а рационально ее понять трудно. Система культуры (духовное?) приоритетна только в смысле «кибернетической иерархии». А дух – на то и дух, что всегда и везде («дышит где хочет») является по мере превозмогания человеком «материального».

Традиционные ценности – это образцы, которые показали свою жизнеспособность, устойчивость, воспроизводимость, эффективность. Например, обсуждаемый Г. Федотовым в «Письмах о русской культуре» тип русского человека (Федотов отказывался использовать концепт «ценности»). Образ жизни предшествующих поколений, при всех его проблемах и недостатках, отвечает имеющимся условиям (климат, ландшафт, природные ресурсы, угрозы) и созвучен нашему нравственному идеалу. Глядя в завтрашний день, мы учреждаем себя в качестве субъектов культурно-исторических традиций, продолжаем их в новых условиях. Актуальные правила и нормы дедуцировать из ценностей не получится, они – предмет рационального анализа (техническая целесообразность) и творческого поиска.

Наконец, традиционные ценности (права человека) могут использоваться для идеологического оправдания попыток непосредственно управлять идеалом нового человека, который еще только должен возникнуть. Произвольно вкладываемый смысл разрушает ценностное содержание. Ценности имеют смысл и для нас, и в себе. А если нет смыслового ядра – ничего не сцепляется, наследовать и созидать нечего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миронов А. С. О традиционных духовно-нравственных ценностях // Культурологический журнал. 2021. 2 (44). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/540.html&j_id=47 (дата обращения: 30.03.2022). DOI: 10.34685/NI.2021.70.34.012.
2. Выжutowич В. Мы не такие, как все? Тема с социологом Эдуардом Понариным // Российская газета. № 276 (8034). 05.12.2019. URL: <https://rg.ru/2019/12/05/kakova-svoia-osobaia-sistema-cennostej-v-rossii.html> (дата обращения: 30.03.2022).
3. Руднев М. Традиционные ценности и реальность // Ведомости. 17.05.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/05/16/801630-traditsionnie-tsennosti> (дата обращения: 30.03.2022).

4. Государство и общество: цели, приоритеты, императивы. Аналитический обзор // ВЦИОМ. 12.02.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-prioritety-imperativy> (дата обращения: 30.03.2022).

5. Сулакшин С. С., Хвыля-Олинтер Н. А. Система ценностей российской молодежи: экспертная оценка // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). 15.06.2016. URL: <https://rusrand.ru/docconf/sistema-cennostey-rossiyskoy-molodeji-ekspertnaya-ocenka> (дата обращения: 30.03.2022).

6. Обсуждение Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей приостановлено // Министерство культуры РФ. 14.02.2022. URL: https://culture.gov.ru/press/news/obsuzhdenie_osnov_gosudarstvennoy_politiki_po_sokhraneniyu_i_ukrepleniyu_traditsionnykh_rossiyskikh_ (дата обращения: 30.03.2022).

7. Швыдкой М. Кому помешали традиционные русские ценности // Российская газета. № 411 (86891). 26.02.2022. URL: <https://rg.ru/2022/02/25/shvydkoj-komu-pomeshali-tradicionnye-russkie-cennosti.html> (дата обращения: 30.03.2022).

8. Волобуев С. Г. Российская конституционно-правовая антропология как основание государственной политики в области сохранения и трансляции традиционных ценностей // Культурологический журнал. 2021. 2 (44). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/540.html&j_id=47 (дата обращения: 30.03.2022). DOI: 10.34685/HI.2021.23.14.017.

9. Кнабе Г. С. Диагноз нашего времени // Избранные труды. Теория и история культуры. М.–СПб.: Летний сад; М.: РОССПЭН, 2006. С. 883–1178.

10. Седакова И. А. Нетрадиционные ценности и их традиционные корреляты (2): карьера, самореализация, лидерство // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: мат. междунар. науч. конф. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 294–296. DOI: 10.31168/7996-2700-3.108.

11. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева. М.: Аспект-Пресс, 1998.

12. Токвиль А. де. Старый порядок и революция / пер. с фр. М. Федоровой. М.: Московский философский фонд, 1997.

13. Рабочее совещание, посвященное традиционным ценностям человечества. Доклад Верховного комиссара ООН по правам человека. A/HRC/16/37. 13.12.2010 // ООН. URL: https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/16session/A-HRC-16-37_ru.pdf (дата обращения: 30.03.2022).

14. Иванов В. О русской идее // Русская идея / сост. М. А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 226–240.

Информация об авторе.

Щербина Александра Вениаминовна – кандидат философских наук (1989), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: методология социального познания, социальное воспроизводство, социализация, социальный конфликт.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 06.04.2022; принята после рецензирования 28.04.2022; опубликована онлайн 23.06.2022.*

REFERENCES

1. Mironov, A. (2021), "On the traditional spiritual and moral values", *J. of Cultural Research*, iss. 2 (44), available at: http://cr-journal.ru/rus/journals/540.html&j_id=47 (accessed 30.03.2022). DOI: 10.34685/HI.2021.70.34.012.

2. Vyzhutovich, V. (2019), "We are not like everyone else? Topic with sociologist Eduard Ponarin", *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 05.12.2019, no. 276 (8034), available at: <https://rg.ru/2019/12/05/kakova-svoia-osobaia-sistema-cennostej-v-rossii.html> (accessed 30.03.2022).

3. Rudnev, M. (2019), "Traditional values and reality", *Vedomosti*, 17.05.2019, available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/05/16/801630-traditsionnie-tsennosti> (accessed 30.03.2022).

4. "State and society: goals, priorities, imperatives. Analytical review" (2021), *VCIOM*, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-priority-imperativy> (accessed 30.03.2022).

5. Sulakshin, S.S. and Khvylya-Olinter, N.A. (2016), "The value system of Russian youth: an expert assessment", *Tsentr Sulakshina (Tsentr nauchnoi politicheskoi mysli i ideologii)*, 15.06.2016, available at: <https://rusrand.ru/docconf/sistema-cennostey-rossiyskoy-molodeji-ekspertnaya-ocenka> (accessed 30.03.2022).

6. "Discussion of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values Suspended", *Ministry of Culture of the Russian Federation*, 14.02.2022, available at: https://culture.gov.ru/press/news/obsuzhdenie_osnov_gosudarstvennoy_politiki_po_sokhraneniyu_i_ukrepleniyu_traditsionnykh_rossiyskikh_ (accessed 30.03.2022).

7. Shvydkoi, M. (2022), "Who was prevented by traditional Russian values", *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], № 411 (86891), 26.02.2022, available at: <https://rg.ru/2022/02/25/shvydkoi-komu-pomeshali-tradicionnye-russkie-cennosti.html> (accessed 30.03.2022).

8. Volobuev, S.G. (2021), "Russian constitutional and legal anthropology as the basis of state policy in the preservation and transmission of traditional values", *J. of Cultural Research*, iss. 2 (44), available at: http://cr-journal.ru/rus/journals/540.html&j_id=47 (accessed 30.03.2022). DOI: 10.34685/HI.2021.23.14.017.

9. Knabe, G.S. (2006), "Diagnosis of our time", *Izbrannye trudy. Teoriya i istoriya kul'tury* [Selected works. Theory and history of culture], Letnii sad, ROSSPEN, Moscow, SPb., RUS, pp. 883–1178.

10. Sedakova, I.A. (2019), "Non-traditional values and their traditional correlates (2): career, self-realization, leadership", *Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Proceedings of the IV international research conference*, Yekaterinburg, September 9–13, 2019, Ural Publishing House Univ., Ekaterinburg, RUS, pp. 294–296. DOI: 10.31168/7996-2700-3.108.

11. Parsons, T. (1998), *The system of modern societies*, Transl. by Sedov, L.A. and Kovalev, A.D., Aspekt-Press, Moscow, RUS.

12. Tocqueville, A. (1997), *L'Ancien Régime et la Révolution*, Transl. by Fedorova, M., Moskovskij filosofskij fond, Moscow, RUS.

13. "Workshop dedicated to the traditional values of humanity. Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights", (2010), A/HRC/16/37, 13.12.2010, *United Nations*, available at: https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/16session/A-HRC-16-37_ru.pdf (accessed 30.03.2022).

14. Ivanov, V. (1992), "About the Russian idea", *Russkaya ideya* [Russian idea], comp. Maslin, M.A., Respublika, Moscow, RUS, pp. 226–240.

Information about the author.

Alexandra V. Shcherbina – Can. Sci. (Philosophy) (1989), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 30 scientific publications. Area of expertise: methodology of social cognition, social reproduction, socialization, social conflict.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 06.04.2022; adopted after review 28.04.2022; published online 23.06.2022.*